

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Столянский П. Н.* Старый Петербург: Аптекарский, Петровский, Крестовский острова. Пг., 1916. С. 5.

² *Георги И. Г.* Описание Российско-Императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оногo. СПб., 1794. С. 148.

³ ПСЗ. Т. 27. 20852. С. 781.

⁴ *Грибанов В. И., Лурье Л. Я.* Аптекарский остров. Л., 1988. С. 14.

⁵ *Липский В. В.* Императорский Санкт-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (171–1913). СПб., 1913. Ч. 1–3. Юбил. изд. Ч. 1. С. 229.

⁶ *Столянский П. Н.* Старый Петербург. С. 18.

⁷ *Липский В. В.* Императорский Санкт-Петербургский Ботанический сад... Ч. 1. С. 296.

⁸ Там же. Ч. 3. С. 109.

⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 86. Л. 19, 23–24.

¹⁰ Там же. Л. 20 об.

¹¹ Русская старина. 1902. Т. 112. № 11. С. 312.

¹² *Сологуб В. А.* Воспоминания. М., 1998. С. 82.

¹³ Русский архив. 1901. Кн. 3. С. 397.

¹⁴ РГИА. Ф. 1341. Оп. 24. Д. 1041. Л. 2–2 об.

¹⁵ ПСЗ. Т. 38. № 29377. С. 858–859.

¹⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 86. Л. 18.

¹⁷ ПСЗ. Т. 38. № 29377. С. 859.

¹⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 86. Л. 87–88.

¹⁹ Подсчитано автором по: РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 86. Л. 89–99.

²⁰ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 368. Л. 885–887.

²¹ Там же. Л. 888.

²² *Траутфеттер Е. Р.* Краткий очерк истории Императорского Санкт-Петербургского Ботанического сада. СПб., 1873. Т. 2. С. 6.

²³ См.: РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 370. Л. 1246–1251.

²⁴ Там же. Ф. 472. Оп. 12. Д. 86. Л. 111 об.

²⁵ ПСЗ. Т. 37. № 28612. С. 695–696.

²⁶ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 18. Л. 6, 11, 56.

²⁷ См. подробнее об этом: ПСЗ. Т. 37. 28612. С. 696.

²⁸ РГИА. Ф. 1630. Оп. 1. Д. 181. Л. 27.

²⁹ Там же. Л. 27 об., 28.

³⁰ Там же. Л. 28 об.

³¹ Там же. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 23. Л. 121.

³² Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 330. Л. 503.

³³ См.: *Липский В. В.* Императорский Санкт-Петербургский Ботанический сад... Ч. 2. С. 280.

³⁴ См.: *Грибанов В. И., Лурье Л. Я.* Аптекарский остров. С. 14.

³⁵ РГИА. Ф. 1630. Оп. 1. Д. 181. Л. 25–25 об.

В. Г. Чернуха

ИЗ ИСТОРИИ ПАСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ: СТОЛИЧНЫЕ АДРЕСНЫЕ КОНТОРЫ (1809–1888)

Основы паспортной системы в России были заложены Петром I, который стремился к тому, чтобы подданными большого государства было максимально легко управлять. Для этого было провозглашено, исходя из постулата о всеобщей несвободе, прикрепление каждого к месту постоянного жительства и запрет на свободное передвижение по стране. Документом, разрешающим временный уход по делу, являлся паспорт: типографски отпечатанный бланк, куда заносились сведения о его предъявителе и одновременно срок действия этого документа и пункт назначения. В месте прибытия этот документ предъявлялся властям, и только отметка администрации давала владельцу

паспорта право отправиться в обратный путь. Подразумевалось, что паспорт станет единообразным универсальным документом для всех подвластных, легко с его помощью удерживаемых на месте проживания, либо месте работы, в том числе принудительной, облегчит актуальную задачу отлавливания в пути или дальнейшего поиска беглых, военных и гражданских лиц. Паспорт выдавался обывателю только на время отсутствия и по усмотрению либо владельца (если речь шла о крепостном), либо начальства (если подданный состоял на службе), либо главами корпоративных организаций (если дело касалось городского населения). Свободно передвигаться российский подданный по закону мог только в пределах 30-верстной черты.

Однако неудобства получения каждый раз такого разрешения на отлучку вскоре стали давать о себе знать и потому стихийно порождали множество злоупотреблений, с одной стороны, и дополнительных распоряжений, с другой. Государственная власть тоже вскоре ощутила издержки обязательности такого общего документа. Повседневные реалии: множество сословий с разными отношениями к государству, сословных групп, особых хозяйственных и вообще текущих обстоятельств, диктующих свободу передвижения, стали причиной и поводом для разного рода отступлений или уточнений. Паспортное законодательство повседневно дополнялось указами, разрешавшими передвигаться или проживать с особыми, выдаваемыми только одной группе населения документами.

Попыткой государственной власти России как-то примирить универсальную норму обязательности паспорта с потребностью существования специфических документов для отдельных групп населения явилось создание в начале XIX в. в Петербурге и Москве адресных контор.

Учреждение в столичных городах адресных контор падает на 1809 г. и связано с именами императора Александра I, петербургского военного губернатора А. Д. Балашова и министра внутренних дел А. Б. Куракина. К этому времени обе столицы уже устойчиво стали центрами притяжения пришлого населения, стремившегося туда на временные заработки. По существовавшим правилам пришельцы непременно должны были иметь паспорт, с которым они немедленно являлись в полицию. Там паспорт регистрировался и возвращался владельцу, после чего тот мог заняться приисканием работы и проживать в столице вплоть до истечения срока действия паспорта. Затем, получив отметку в паспорте, отходник возвращался в свою деревню или другой город.

Среди большой группы временных работников существовала одна многочисленная, рассеянная по городу и, как считал Александр I, требующая уже поэтому особого внимания. Это была прислуга, находившая себе работу в частных домах.

Петербург в начале XIX в. был городом с более чем 200-тысячным населением. Быт горожанина того времени был суровым и требовал большого числа обслуживающего персонала. Нужно было заготавливать дрова, топить печи, чистить трубы, носить воду, содержать дом, готовить пищу, ухаживать за многочисленными детьми.

В богатых дворянских домах проблема домашней прислуги могла решаться и решалась преимущественно за счет дворовых, принадлежавших им на основе крепостного права, людей, знакомых хозяевам и годами ими отбирившихся для исполнения той или другой деятельности. Но даже и в такие дома было принято нанимать людей со стороны. Другие сословия или сословные группы такой возможности не имели, а потому должны были прибегать к вольному найму, иногда случайному, порождавшему массу

недоразумений и недовольства. Чиновничество, купечество, интеллигенция нуждались в прислуге, иногда многочисленной и как бы делившейся на две категории. Одна, ее часто называли просто «верхней», составляла некую часть семейного круга общения. Это были секретари, управляющие, компаньонки, учителя, гувернеры. В официальных документах они назывались «служащими по договору», оговаривавшему и обязанности, и плату за работу. Но дом требовал еще и «нижней» прислуги или прислуги «по найму», т. е. неквалифицированной, выполнявшей черную домашнюю работу: дворники, лакеи, горничные, кухарки, повара, кучера и пр. Именно эта вторая категория и поглощала основную массу пришедшего деревенского населения, пришедшего на заработки. Прислуга, как правило, и жила в домах своих хозяев, не имея не только своей комнаты, но и своего угла.¹

Император Александр I, осознавший наличие многочисленной домовой прислуги как общегородскую проблему, решил создать этим вчерашним деревенским жителям совершенно особый, некий воспитательный режим существования. Ему был нужен старательный исполнитель его замысла, и он нашел его в лице Александра Дмитриевича Балашова. Балашов — фигура малоизвестная. Его обычно упоминают в связи с арестом и высылкой М. М. Сперанского, а также переговорами с Наполеоном в начале войны 1812 г. Между тем исследователь, специально занимавшийся реалиями управления страной со стороны верховной власти, отнес А. Д. Балашова к «агентам влияния» Александра I, обратив внимание на ту роль, которую при нем играл институт генерал-адъютантов.²

А. Д. Балашов был фигурой заурядной для военной среды начала XIX в. Будучи в малолетстве записан в Преображенский полк, он затем учился в Пажеском корпусе, был выпущен и служил в Измайловском полку, после чего занял пост ревельского губернатора. Когда Александр I занялся приисканием подходящего человека для занятия должности московского обер-полицмейстера, то в своих поисках он набрел на Балашова. Тот был ему рекомендован — через В. П. Кочубея — графом Е. Ф. Комаровским. Встретивший случайно Балашова в Петербурге Комаровский сообщил ему о заинтересованности монарха в подходящем человеке на московскую должность. И хотя Балашов понимал, что формально это понижение по служебной лестнице, и объяснил Комаровскому, что согласие его означало бы перевод «из попов в дьяконы», ибо в Ревеле ему подчиняется вся та самая полиция, которую ему предлагают возглавить в Москве, но отказываться не стал.³ Около года он был главой московской полиции, затем был переведен на такую же должность в Петербург, тут же стал военным губернатором и генерал-адъютантом Александра I (с 1809 г.). Тогда-то ему и было поручено вместе с А. Б. Куракиным составление особого «положения» для домашней прислуги столичных городов.⁴ Доклад министра и губернатора готовился в спешке. Достаточно сказать, что 6 сентября 1809 г. Куракин пересылает Балашову свои предварительные соображения по этому поводу, а 15 октября им был подан уже готовый текст доклада.⁵ Государственного совета в то время еще не существовало, поэтому проект правовую экспертизу не проходил, а был немедленно подписан императором, заботившимся о наведении идеального порядка. 15 октября 1809 г. на свет появился закон об одновременном учреждении в Петербурге и Москве адресных контор.⁶

Несколько принципиальных соображений легли в основание этого указа. Несомненна забота императора о том, чтобы поставить нанимающуюся в частные дома прислугу под

особый полицейский контроль. При этом им могли двигать как еще не изжитые патерналистские идеи воспитания вышколенной прислуги из необразованной, недисциплинированной и совершенно непривычной к общению с нанимателем крестьянской массы, так и одновременно поддержка ее посредством некоторой правовой защиты от временных хозяев. Возможно, что им руководили и бабушкины наставления, и неосуществленные планы. В «Уставе благочиния, или полицейском» (1782), развертывая свои представления о плавном течении городской жизни, Екатерина II стремилась решить, глядя на европейские обычаи, примерно такую же задачу.⁷ Не учреждая немедленно особых должностей, занимающихся вообще пришлыми в города людьми, она предусмотрела — если приток в города будет массовым — случаи, когда городские власти (городничий или магистрат) оказывались вправе учреждать должность явно наказанную, а из лиц свободных профессий — «частного маклера слуг и рабочих людей». Городничий или магистрат помещали по этому поводу объявление о месте и времени работы маклера, последний вывешивал на своем доме вывеску и начинал прием посетителей. Маклер должен был заниматься регистрацией пришедших на работу в город людей и составлять договоры об условиях найма. Только эти документы могли служить основанием для судебного разбирательства в конфликтных ситуациях, если одна из сторон усматривала нарушение условий договора. Таким образом, создавалась правовая основа для решения спорных дел: сторонам указывался цивилизованный путь выхода из конфликта. Городская власть при этом приобретала весьма важное для нее право: возможность высылать из города лиц, не прошедших регистрацию у маклера, и тем самым освобождать город от потенциально опасных в криминальном отношении людей, а себя от забот о «благочинии». Но это был еще и шаг к созданию в пределах города организованного, а не стихийного рынка труда.

Нечто в этом роде попытался вслед за Екатериной II осуществить и Александр I. Его закон об адресных конторах отличала более узко поставленная задача: он имел в виду не общероссийские правила (оправданием может служить тот факт, что екатерининский закон не был отменен и продолжал действовать), но единственно территорию двух столичных городов, которые почему-то не удосужились создать должности маклеров, несмотря на ежегодный приток жаждущих заработка сельчан. В качестве причины можно назвать незаинтересованность нанимателей и правовую беспомощность нанимающихся. К тому же имелась в виду только одна часть поступающего на работу населения.

Согласно закону 15 октября 1809 г. в Петербурге и Москве учреждались особые конторы. (Их могли называть по-разному: адресная контора, контора адресов, адрес-контора, адресс-контора. В официальных бумагах Петербургскую контору чаще называли Адресная контора, московскую — Контора адресов). Это были казенные учреждения, занимавшиеся только одной категорией (группой) пришедшего на заработки населения — ориентирующейся на поступление в услужение в частные дома. Пришедшие в столицу с паспортом, за который они заплатили сбор в уездном казначействе, они должны были явиться в Адресную контору, где паспорт регистрировался, отбирался, а их самих заносили в специальные книги. Вместо паспорта им выдавали особый «адресный билет», обретавший значение паспорта и являвшийся своеобразным видом на жительство. В адресный билет отчасти вносились данные из паспорта, дополненные сведениями о прибытии в столицу. В зависимости от того, нашел ли обладатель паспорта работу или еще не нашел, в книгу заносились данные о работе и месте жительства.

Если фиксировался факт отсутствия работы, тогда в книгу помещались сведения о характере предлагаемых услуг. В таком случае Адресная контора превращалась в посреднический офис, который сводил нанимателя и нанимающегося. «Билеты» уже работающего и только поступающего на работу рознились формой. Всякое изменение работы или перемена жительства (они у этой группы, как правило, совпадали) должно было фиксироваться в Адресной конторе.

Дисциплинирующей мерой (это прямо оговаривал закон) должна была служить «аттестация» работника: характеристика, выдаваемая ему хозяином при перемене места работы. Считалось, что аттестация будет выдаваться в форме свободной записи на билете.

Одновременно военный губернатор получал право через полицию высылать из города лиц, не определившихся на работу. На полицию возлагалась обязанность постоянного наблюдения за этой группой временного населения столицы. Это должно было осуществляться, в частности, с помощью обязательной явки прислуги в полицию дважды в год (в январе и июле) для проверки данных, продления билета, повторного взятия адресного сбора за следующий год. Если у регистрирующегося паспорт был кратковременный или срок паспорта вскоре истекал, то адресный билет выдавался только на соответствующий срок действия паспорта.

При уходе из города регистрирующийся был обязан заявить об этом заранее, а затем возвратить билет, предъявить аттестацию, после чего ему возвращали паспорт с отметкой о разрешении на уход, а в книгу учета заносили сведения об убытии из города. На этом обязанности столичной полиции по отношению к ушедшему заканчивались. Поначалу предполагалось даже, что в Адресной конторе будет оставляться также снятая ею копия паспорта, от чего вскоре отказались.

Адресные билеты были не только средством учета населения, но и источником дохода: за адресный билет взимался особый адресный сбор. Он отличался от паспортного и суммой сбора, и его принадлежностью. Это был сбор не государственный, шедший прямо в казну, а городской, направляемый в существовавшую уже городскую думу. Последняя не была тогда свободна в распоряжении своими доходами, а должна была делать значительные отчисления в казну, на содержание полиции, учреждений общественного призрения и пр., по усмотрению власти. Но считалось, что городские сборы идут на городское благоустройство. Адресные конторы не прямо, а через целевые ассигнования городской думы, в итоге тоже содержались из сумм адресного сбора. Адресный сбор был дифференцирован в зависимости от доходов прислуги и от полового признака (мужчины за билет платили больше женщин).

Этим первым законом об адресных конторах поступающая в услужение в частные дома прислуга была разделена на два разряда, в зависимости от которого и производился сбор в годовом исчислении. Лица, исправляющие «должности по договорам»: управляющие, секретари, метрдотели, гувернеры, учителя платили по 10 р. в год ассигнациями, соответственно женщины, традиционно оплачиваемые меньше, чем мужчины, платили по 5 р.; вторая категория («разряд»), куда входили домашние «слуги и рабочие» соответственно 3 р. в год — мужчины и 1 р. в год — женщины.

Уже в этом первом законе об Адресной конторе был определен и ее штат. Это были два правителя канцелярии, русский и иностранный (кстати, последний мог быть и русского происхождения, но тогда должен был обладать знанием иностранных языков).

Конторе полагалось иметь двух секретарей, четырех писарей и казначея. В штат входили и два переводчика. Наличие иностранного правителя в конторе, как и включение в штат переводчиков, отражало хорошо известный факт большого количества иностранцев среди домашней прислуги. Именно в это время, когда образование юношества еще не было организовано государством, многие подростки и дети получали домашнее образование и воспитание с помощью учителей и гувернеров из иностранцев, далеко не всегда имевших хоть какую-либо специальную подготовку. Однако главным признаком образования считалось тогда знание иностранного языка или языков, а уж общеобразовательные предметы преподавались по усмотрению учителя, оговоренному устно или в договоре.

В таком виде закон и был утвержден как для Петербурга, так и для Москвы.

Обратим внимание на одно обстоятельство, через некоторое время сыгравшее роль в преобразовании Петербургской конторы: ответственным за деятельность адресных контор являлся военный губернатор. Он должен был через своих чиновников постоянно осуществлять проверку действий Адресной конторы. Контора ежемесячно была обязана представлять ему книги учета прибывших, которые губернатор визировал, а раз в три месяца он направлял в контору проверяющих.

О том, что не следует в одном месте принимать и записывать как российских крестьян, так и иностранных подданных, претендующих на более высокий ранг в домашней иерархии, городская администрация спохватилась немедленно, и уже через неделю, 23 октября того же года, А. Д. Балашов испросил у императора разрешение на создание особого Иностранного отделения. И хотя с них тоже взимали адресный сбор, регистрировались они особо.⁸

Прекрасно, но отвлеченно задуманный закон, ориентированный на образцовое, законопослушное поведение и хозяев, и прислуги, и отеческую воспитательную роль столичной полиции, пекущейся о благочинии, оказался, и очень скоро, чужеродным растением на российской почве. Его в значительной мере постигла судьба «маклеров», ставших невостребованными. Внедрения права, благонравия и толерантности в российскую среду не состоялось, игнорирование «воспитательной» стороны закона шло с трех сторон: со стороны полиции, отличавшейся даже в столицах низким уровнем подготовки и ответственности, со стороны хозяев, склонных видеть в прислуге крепостного («нанялся, значит, проданся» — гласила давняя российская поговорка), и со стороны необразованной не только в правовом, но и в смысле обычной грамотности прислуги.

Что неукоснительно делала полиция, и похоже, это было пределом ее профессиональных возможностей, так это то, что она исправно регистрировала пришедших и не менее исправно взимала адресный сбор. Случаи уклонения от регистрации, записи в несоответствующий работе разряд, как и иные нарушения правил, требовавшие специального расследования, усилий, поисков, выяснений, были крайне редки. Зато жалобы на переобремененность обязанностями и низкое жалование стали общим местом и оправданием ее плохой работы. Кстати, принадлежность адресного сбора формально не государственной, а городской казне тоже была сразу же замечена полицией и не способствовала особо рьяной деятельности по наполнению городского кошелька.

Полиция, через которую должна была действовать Адресная контора, немедленно обнаружила свое стремление по возможности сбросить с себя обязанности по делам Адресной конторы. А их поддержание могло быть связано только с фигурой А. Д. Балашова,

создавшего это учреждение и, очевидно, связанного какими-то взятыми на себя перед Александром I обязательствами. Но даже и он в краткий период своего губернаторства в Петербурге, а затем и руководства Министерством полиции в большей степени был склонен прислушиваться к жалобам полицейских, нежели к заботам хозяев и прислуги.

Уже в 1811 г. А. Д. Балашов, в то время возглавлявший Министерство полиции, с помощью высочайше утвержденного всеподданнейшего доклада, осуществил корректировку обязанностей Адресной конторы.⁹ Обязанности адресных контор были упрощены. Требование о полугодовой действительности билета было снято, и отныне адресные удостоверения выдавались на год. Изменение места службы и места жительства теперь уже не требовало явки в Адресную контору, а осуществлялось поближе к месту проживания, у квартального полицейского. Выдачи аттестации при уходе вследствие конфликта или завершения службы больше не требовалось, хотя в это время данное требование не было снято окончательно: для упрощения дела разрешалось ставить краткую оценочную помету на адресном билете. Вскоре и это правило было заменено условием начертания обычной хозяйской подписи на адресном билете в знак того, что хозяин не имеет претензий к бывшему слуге. Зато тем же законом на Адресную контору была возложена обязанность заниматься взаимными претензиями нанимателя и нанимающегося. Законом 1826 г. содержание адресных контор было полностью и прямо возложено на счет адресного сбора.

В таком виде и при таком круге обязанностей столичные адресные конторы существовали до конца 1830-х гг., когда петербургская контора подверглась реорганизации.

Связано это было с тем, что новый император, Николай I, задумал проведение реформы петербургской полиции, и началось обсуждение вопроса и по существу и в частности. В обсуждение были вовлечены Государственный совет, Комитет министров, министерский корпус, но дело не двигалось с места в значительной мере из-за необходимости увеличения ассигнований. И тогда Д. Н. Блудов, тогдашний министр внутренних дел, предложил, чтобы вывести ситуацию из тупика, не дожидаясь общей реформы полиции, преобразовать Адресную контору. Петербургский военный губернатор П. К. Эссен, в ведении которого она числилась, не желал нести ответственности за Адресную контору и вознамерился вообще передать ее столичной полиции. Между прочим, уже в это время в Государственном совете прозвучал вопрос о том, что взимание адресного сбора можно передать, по принадлежности, городской думе. Подчиненный П. К. Эссена обер-полицеймейстер С. А. Кокошкин не стал противоречить патрону и согласился на понижение статуса Адресной конторы столицы. По закону 21 декабря 1838 г.¹⁰ Адресная контора была передана в Управу благочиния и обосновалась там. (Управа благочиния находилась на Садовой улице в доме 55 — таков был ее адрес до 1903 г.).

Московское начальство с преобразовательными инициативами не выступило, о конторе было забыто, и потому она сохранила прежнее название и структуру «разрядов».

В итоге штат петербургской Адресной экспедиции (так стала называться прежняя контора) был расширен до 37 человек, что вполне понятно, так как в это время она регистрировала почти 100 тыс. человек.

Наступил последний, но затянувшийся этап существования Адресной экспедиции. Идея передачи городской думе взимания адресного сбора, а с тем вместе регистрации и надзора за прислугой частных домов, если он был необходим, и регулирования споров

по делам о найме, постоянно имелась в виду. За 30 лет существования Адресной конторы число обслуживающего город населения росло не только количественно, но и качественно. Появлялись все новые профессии, обслуживающие частные дома, но там не нанимающиеся: это были модистки, аптекари, извозчики и пр. Заботясь об учете новых работников и не менее того о возрастании адресного сбора, власть целым рядом законов обязывала то одну, то другую категорию работников регистрироваться в Адресной конторе. Поэтому в законе 1838 г. уже оказалось не два разряда нанимающихся, а целых пять. Если раньше исключения делались для сезонных рабочих, лиц, короткое время находящихся в городе, то теперь регистрироваться должны были и так называемые чернорабочие: люди строительных специальностей, разного рода ученики ремесленников. Адресный сбор поэтому был более дифференцированным, составляя от 25 р. до 90 к. с работников-мужчин.

Середина XIX в. — для Петербурга время быстрого разрастания города и городского населения, и одновременно серьезного испытания для городских властей. Администрация все хуже справлялась с благоустройством и бытовыми проблемами города и обдумывала процесс развития самоуправления, на которое можно было бы возложить эти хлопотные чисто хозяйственные обязанности. Эта озабоченность выразилась и в проведенной Н. А. Милютиным городской реформе 1846 г., по которой Петербург получил городскую думу с расширенным составом выборных от населения и несколько расширенными правами. Но, разумеется, решающим в деле строительства городского самоуправления явилось уже Городовое положение 1870 г., с которого идет отсчет создания городского самоуправления по всей России. Уже в 1871 г. первый московский городской голова, кн. В. А. Черкасский выразил от имени московской городской думы готовность принять на себя сбор адресной пошлыны.

Но Контора адресов в Москве, как и петербургская Адресная экспедиция, продержались еще относительно долгое время, поскольку администрация не любила ломать установленный порядок. В 1840-х гг. эти учреждения как бы продлили свою жизнь за счет того, что на них были возложены новые обязанности, связанные с медицинским обслуживанием населения.

В начале 1840-х гг. Николай I, озабоченный благоустройством столицы, создал специальную комиссию для ответа на вопрос о нуждах городской бедноты, и комиссия (ее возглавлял жандармский генерал П. Ф. Буксгевден) высказалась за то, чтобы городские низы получили свои бесплатные больницы, поскольку лишенные врачебной помощи временные рабочие пытались уйти домой, бросая работу и нередко умирая по дороге. Поэтому возникла мысль не просто о больницах для народа, но о больницах для самой бедной и трудящейся его части. Первоначально предполагалось, что средства на содержание будут поступать от нанимателей «чернорабочих». Однако у хозяев немедленно нашлись заступники, доказывавшие, что такой способ организации медицинской помощи несправедлив, неудобен, невозможен. Гораздо более надежным и справедливым был признан порядок обложения сбором на содержание больниц самих наемных рабочих. Вспомнили, что такой сбор уже существует в Кронштадте и составляет 1 рубль серебром в год. И тогда, рассчитав во что обойдется содержание большой больницы и сопоставив ее с приблизительным числом «чернорабочих», вывели цифру сбора — 60 к. серебром. К «чернорабочим» отнесли четвертый и пятый, самые многочисленные разряды регистрирующегося через Адресную экспедицию населения.

Такой сбор был введен в 1842 г.¹¹ Известно, что в 1866–1870 гг. он составлял от 124 до 200 тыс. р. ежегодно.¹² Сразу же было оговорено, что от обложения больничным сбором освобождаются «чернорабочие» из удельных крестьян, поскольку Удельное ведомство уже имело свою больницу и лечило там подведомственных ему крестьян. Больничный сбор взимался в Адресной экспедиции одновременно с адресным сбором, о чем делалась помета на билете, но взимался только с этих двух низших по его оплате категорий. Вслед за этим такое же положение о больничном сборе было распространено и на Москву с той только разницей, что там больничным сбором облагались все регистрирующиеся, и, кроме того, особым законом сбор могли вносить и те постоянные или пришлые жители, которые желали получать бесплатную медицинскую помощь, предварительно ими оплаченную.

Из-под опеки Адресной экспедиции больница для «чернорабочих» была вскоре выведена и передана вместе со сбором в Медицинский департамент Министерства внутренних дел. Экспедиция продолжала собирать больничные деньги, но перечисляла их непосредственно на содержание больницы.

В таком виде эти адресные учреждения и дожили до эпохи преобразований, когда их участь стала зависеть от того, как решится вопрос о реформе полиции, потом о реформе городского самоуправления, потом о надолго затянувшейся выработке закона о найме рабочих и прислуги. Российское правительство очень долго пыталось создать кодекс законов о найме рабочих, найме сельскохозяйственных рабочих и прислуги, и все тянулось десятилетиями.

Поворотный момент наступил в середине 1880-х гг., когда в очередной раз заговорили о необходимости реформировать полицию, а заодно и изыскать возможность экономии государственных средств. Это заявление было сделано в Государственном совете и прямо адресовано министру внутренних дел Д. А. Толстому. Он довольно быстро составил несложный проект, собрал отзывы в поддержку. Реформированные столичные городские думы уже встали к этому времени на ноги, и Толстой через Государственный совет провел закон, по которому и Адресная экспедиция, и Контора адресов в Москве упразднились, адресный сбор, как и больничный, пока сохранялись, но заниматься им теперь должны были городские думы впредь до принятия ими решения об отмене или замене.¹³

Так, в самом конце XIX в. закончили свое существование учреждения, созданные в начале века под влиянием, с одной стороны, ускоренного процесса разрастания городов, а с другой стороны, архаичных патерналистских идей о контроле государства за всем и каждым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Очерки истории Ленинграда. Л., 1954. Т. 1. С. 294.

² Мустонен П. Собственная сго императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858: К типологии основ имперского управления. Хельсинки, 1998. С. 60.

³ Записки графа Е. Ф. Комаровского. СПб., 1914. С. 139–140.

⁴ Об А. Б. Куракине подробнее см.: Борисов А. В. Министры внутренних дел России. СПб., 2002. С. 18–23.

⁵ Письма А. Б. Куракина А. Д. Балашову хранятся в Архиве СПбИИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Д. 85.

⁶ ПСЗ I. Т. 30. № 23911.

⁷ ПСЗ I. Т. 31. № 15379.

⁸ ПСЗ I. Т. 30. № 23911. (Нового закона по этому поводу принято не было, а ранее принятый учел распоряжение о создании отдельного Иностранного отделения).

⁹ ПСЗ I. Т. 21. № 24931.

¹⁰ ПСЗ II. Т. 13. № 11869.

¹¹ ПСЗ II. Т. 18. № 17018.

¹² Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1871. № 8.

¹³ ПСЗ II. Т. 18. № 17018.

Т. М. Китанина

НА ПОДХОДЕ К РАБОЧЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ И БУРЖУАЗНАЯ «КОНЦЕПЦИИ» РАБОЧЕГО ВОПРОСА 30–50-х гг. XIX в.

Среди проблем, связанных с изучением экономического, социального и правового положения рабочих России в завершающий период генезиса капитализма и неизменно вызывающих интерес отечественных исследователей, остается малоизученным сложный вопрос о взаимоотношениях предпринимателя и рабочего как субъектов капитализировавшегося производства. Одна из основных причин — слабое отражение этих взаимоотношений в государственном законодательстве предреформенных десятилетий.

Вероятно, ни одна эпоха исторического развития России не знала столь впечатляющей пестроты социальных категорий рабочих, как период глубокого кризиса системы феодально-крепостнических отношений.

Поступательный ход развития промышленности требовал все новых трудовых «вложений». Отвечая этим требованиям, на протяжении многих десятилетий верховная власть оказывала решающее влияние на формирование рабочей силы насильственным методом, методом внеэкономического принуждения за счет зависимых категорий населения — рекрутов, приписных и пожалованных заводчикам в собственность крестьян, солдат и солдатских детей-кантонистов, за счет беглых и деклассированных элементов (нищих, бродяг). Привлечение беглых и бродяг к принудительному труду осуществлялось на основании юридических актов, принятых еще в XVIII в. и аналогичных соответствовавшему законодательству стран Западной Европы (указы 1744 г., 1754 г. и другие российские правительственные постановления). Следует принять во внимание, что некоторые законодательные ограничения, вступавшие в силу в разное время и касавшиеся прав предпринимателей на рабочую силу, носили незавершенный характер и принципиально не ущемляли привилегий заводчиков.¹

Методы формирования промышленных рабочих определяли качественные характеристики этой категории рабочей силы:

во-первых, наличие в стране огромного отряда зависимых работников, занятых преимущественно в крупном казенном производстве;

во-вторых, нивелировку состава рабочих промышленных предприятий с точки зрения социального происхождения — 90% крестьяне;